

По поводу доклада В.М. Межуева. Поскольку это очень большая и целостная работа, ее трудно обсуждать, воспринимая на слух. Всеобщий труд или всеобщее значение науки сегодня уже не действуют, в обществе знания вся наука под патентами, под секретами, она не передается свободно. Это серьезный сдвиг, особенно в условиях предсказанного Марксом технологического применения фундаментальных наук, которое сегодня осуществляется. Есть и другие аспекты, которые требуют соединения с реальными ситуациями, а не просто абстрактных объяснений, как это понимал марксизм.

В целом же хочу поблагодарить за интересные доклады.

Суть не в «измах», а в управленческом выборе обстоятельств жизни в интересах всех

***С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук***

Мне, как всегда, хочется задать два главных вопроса: «о чем мы говорим?» и «зачем мы говорим?». Семинар имеет тематический коридор — «интеллектуальные основы государственного управления». Говорим мы о социализме — коммунизме. Совершенно согласен, и это справедливо, что они выступают в разных воплощениях. Это и идеология, и теория. Это инструментальное пространство жизни и жизнеустройства. Сейчас менее всего интересно их рассмотрение как идеологий, потому что это самая лукавая сфера воплощения названных категорий. Идеология — это вообще «демагогия в оправдание своих притязаний на власть и блага в силу имеющихся интересов». В этом плане контекст, который нам еще предстоит рассматривать — либерализм, консерватизм, традиционализм — социализм и либерализм, так же как социализм и капитализм, являются контрадикцион-

ными, контрастными способами проникновения в понимание изучаемой категории. Проиллюстрировать это можно следующим образом.

Любое человеческое сообщество — это пирамида, где есть рутинное большинство, а есть выдающееся меньшинство со своими интересами. Меньшинству нужна свобода для самореализации, большинству же она не нужна. Большинству нужны комфорт, уверенность в будущем и обыденные обстоятельства жизни. Так вот либерализм — лукавая, эгоистическая идеология, обосновывающая право на доминирование меньшинства. Это выражается и в олигархических претензиях на собственность. Сегодняшний либеральный российский вариант 20-летней истории, конечно, рухнет, как рухнет и либеральный вариант капиталистического воплощения в виде США и др. Социализм, когда он разбалансирован и манкирует интересами этой меньшей группы (советский, уравнилительный социализм), он также эту пирамиду разбалансирует, и она также показала свою неуспешность на примере СССР.

Более интересно и важно инструментальное пространство — что конкретно в жизнеустройстве диктует нам концепт социализма или коммунизма? Какие при этом критерии успеха жизнеустройства? Сергей Георгиевич сказал (я имею в виду его замечания о функции цели), что желаемое состояние, которое в результате управления мы хотим получить, — это счастье. Согласен, это самый интегративный показатель. Кто-то может вспомнить идею Маркса о «свободном времени» индивида, но тут уже не все однозначно. Критерием успеха управления может быть жизнеспособность человека, группы, общества, страны, цивилизации, человечества в целом. Важно найти тот корень, ту сущностную характеристику, которая позволяет нам утверждать, является ли человек человеком или это уже «скотина», которой надо отказывать в праве быть человеком. Что государство — это государство или людоедская фашистская организация, которая травит

людей в газовых камерах и ей надо отказать в праве называться человеческим сообществом. Очевидно, что выдвигая теорию устройства социума, экономики, коммуникаций, гуманитарных показателей, образования, культуры, научного постижения мира, — мы рассматриваем все эти показатели как некоторые факторы. Варьируя их значениями можно добиться максимизации искомого эффекта, который мы считаем за благородную цель нашего жизнеустроительства, государственного управления. Такой подход придает логическую последовательность дискуссии. В этом смысловом коридоре можно сопоставлять «измы» конкретно. Я рассуждаю обо всем этом затем, чтобы получить в итоге некий благой рецепт нашей жизни и деятельности.

Идем дальше. На языке параметров модели есть важные противоречия: социализм — капитализм. Смотрим на долю государственной собственности (рис. 1). 100% — это казарменный социализм, а 0% — это экстремальный либерализм. Смотрим на долю государственных расходов в ВВП страны. Это обобществленное централизованное перераспределение в интересах большинства, несмотря на то, что в России налог не взимается со сверхбогатого меньшинства. Смысл моего параметрического подхода заключается в том, что мы не можем установить четкую границу между социализмом и капитализмом, равно как и между дирижизмом и либерализмом.

Как-то Г. Боровик, полемизируя с фашистами и антисемитами, заметил: «Вот вы выступаете против евреев. А а если это полуеврей или на четверть еврей?». А если на 1/16 еврей? Он еврей или нет? Смысл в том, что категориальная сущность неразделима, и речь идет о плавных переходах между ее разными воплощениями. Смысл в том, что для России мы вводим понятие успешности сложной социальной структуры. Принцип в том, что плавно меняя параметр настройки, мы либо увеличиваем успех, либо уменьшаем его. Меняя в одну сторону параметр настройки, мы идем к капитализму, а в другом случае мы идем к социализму — коммунизму. Если

Рис. 1. Многомерная задача оптимизации успеха социального строительства

такую схему для логики обсуждения подхода к категориям либерализма, коммунизма, социализма, капитализма, традиционализма для себя установить, то дискуссия сводится не к тому, чтобы построить красивейшую конструкцию некоего «изма», которая в итоге практического смысла не получает, а к тому, что «изм» должен порождать задачу на оптимизацию в государственном управлении. Я не понимаю В.М. Межуева в том, что «социализм — это культура». Культура — это сфера и накопление в определенной части жизнедеятельности человечества лучших практик, закрепленных в виде искусства, литературы и других вещей, которые позволяют человечеству все больше удаляться от состояния обезьяны и все больше очеловечиваться. Вот что такое в этом инстру-

ментальном смысле для меня культура. Совершенно ясно, что при таком подходе это никакой не социализм. Для достижения взаимопонимания необходимо договориться хотя бы о базовых понятиях. Но если мне говорят, что культура — это «мост», и тут же говорят, что культура — это «хранилище», то дискутировать невозможно. Принцип любой дефиниции — это придание понятию смыслового содержания самого крупного, первичного плана, только потом следуют детализация и уточнение. Смысл состоит в том, что если всю иерархию признаков, дающую смысловое наполнение категории, убрать и оставить только первый уровень, все равно будет ясно, что это такое. Так что это такое: «культура — это мост»? Мы должны пытаться соединить разные стилистики мышления, разные методы — гуманитариев, людей, тяготеющих к метафоричности, к художественному мышлению, на грани науки и искусства, и приверженцев точных, математически проверенных стилистик. Но это требует усилий с обеих сторон.

Хотел бы призвать к креативному методу, позволяющему прийти в итоге дискуссии все-таки к ответу на вопрос: о чем и зачем мы говорим?

Что в итоге?

Социализм и цивилизационная вариативность

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

Доклады С.Г. Кара-Мурзы и В.М. Межуева представлены в различных исследовательских плоскостях. Здесь о столкновении позиций трудно говорить, поскольку были обозначены совершенно не пересекающиеся друг с другом концентрические круги. Доклад С.Г. Кара-Мурзы посвящен цивилизационной тематике. Основная проблема, которая выносилась на